

СУЩНОСТЬ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

© 2022 Лебедев Константин Николаевич

доктор экономических наук, профессор, профессор Департамента экономической теории
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия, Москва
E-mail: KNLebedev@fa.ru

В настоящей статье на основе подходов такого направления экономико-теоретического исследования, как теория альтернативных финансов, выясняется сущность цифровой валюты центральных банков. Доказывается, что цифровая валюта является не третьей формой денег, наряду с наличными и безналичными банковскими деньгами, а вообще не является деньгами, выступая знаками прав на получение товаров от общества (в безналичной форме).

Ключевые слова: цифровая валюта, цифровой рубль, знаки товарных прав, безденежная платежная система.

В настоящей работе под сущностью, в полном соответствии с ее трактовкой в философской науке, понимается нечто основное, но при этом скрытое в предмете, то, что невозможно познать простым созерцанием, поскольку оно искажается внешними проявлениями. В философии традиционным примером такого искажения выступает результат простого наблюдения за вращением Солнца и Земли, когда кажется, что Солнце вращается вокруг Земли, тогда как в действительности, наоборот, Земля вращается вокруг Солнца [11]. Таким же противоположным по сравнению с тем, что есть в действительности, выступает и внешнее представление о цифровом рубле.

Как ясно из доклада Банка России «Цифровой рубль» (октябрь 2020 г.) для общественных консультаций, российский центробанк рассматривает цифровой рубль как результат эволюции форм денег (по мере развития экономики и технологий), как дополнительную к традиционным наличным и безналичным банковским деньгам, третью (цифровую) форму денег, отвечающую запросу участников денежных расчетов на повышение скорости последних, их безопасности, удобства и снижение комиссий, что возможно лишь на основе передовых технологий [14, с. 3–5]. Ученые-экономисты также рассматривают цифровой рубль как новую форму денег, возникшую в результате их эволюции, например в работе (Корищенко, 2021) переход к эмиссии цифровых валют центральных банков характеризуется как закономерный результат эволюции, основан-

ной на коммерческих банках денежной системы в условиях современных криптографических технологий [7, с. 280]. И в СМИ цифровой рубль рассматривается как форма денег. Так, в статье (Чернышева, 2021) отмечается, что это третья, наряду с наличными и безналичными деньгами, форма денег, которая будет выпускаться ЦБ в виде цифрового кода и храниться в электронных кошельках в Банке России [15]. Согласно же нашему выводу, цифровой рубль деньгами не является, т.е. его сущность противоположна внешнему впечатлению о нем.

Начнем, однако, с более глубокой сущности цифрового рубля, которой выступает его порожденность глобальной тенденцией, свойственной современной мировой экономике, которой выступает вытеснение традиционных трансфертных систем ресурсообеспечения их товарообменными альтернативами. Эта тенденция выделяется и объясняется таким направлением экономико-теоретического исследования, как теория альтернативных финансов. Системы ресурсообеспечения, или финансы в широком смысле, – системы обеспечения различными ресурсами на разных условиях и для разных целей, например, деньгами в порядке кредитования для пополнения оборотных средств при их временном недостатке, оборудованием в форме лизинга для расширения производства. Трансфертные системы ресурсообеспечения представляют собой системы ресурсообеспечения, основанные на трансфертных сделках, т.е. на сделках, в которых движение средств не со-

проводится встречным движением товаров, и именуется традиционными финансами (налоги, банковский кредит, бюджетные субсидии и т.д.). Товарообменные системы ресурсообеспечения представляют собой системы ресурсообеспечения, основанные на товарообменных сделках (сделках купли-продажи товаров), т.е. на сделках, в которых движение средств, наоборот, сопровождается встречным движением товаров, и именуется альтернативными финансами (доходы бюджета от оказания госуслуг, лизинг оборудования, исламский кредит, госзакупки и т.д.). Так, исламский потребительский кредит является товарообменной системой обеспечения, так как заключается в том, что банк приобретает нужный клиенту товар, а затем перепродает его клиенту с рассрочкой платежа.

Глобальная тенденция вытеснения трансфертных систем ресурсообеспечения их товарообменными альтернативами, естественно, возникла не просто так, а обусловлена двумя обстоятельствами. Первое из них, открытое теорией альтернативных финансов, заключается в том, что товарообменные альтернативы, несмотря на их более высокую стоимость для получателей ресурсов, являются более эффективными, чем соответствующие трансфертные варианты. Эта большая эффективность проявляется в следующей триаде преимуществ, причем как для ресурсополучателей, так и ресурсодателей – большая доступность, большая экономичность и меньшая опасность.

Большая эффективность товарообменных систем ресурсообеспечения объясняется полной или неполной оплатой (бесплатным получением) ресурсов их получателями при товарообменном и трансфертном обеспечении соответственно. Заплатив за ресурсы полную цену, их получатель оказывается в полной мере заинтересованным в их эффективном использовании, а ресурсодатель за эту высокую цену оказывает ему активную помощь в этом. В связи с этим прирост дохода ресурсополучателя от использования ресурсов оказывается больше, чем прирост их стоимости, а прирост дохода ресурсодателя от передачи ресурсов – больше чем прирост его затрат, связанный с участием в обеспечении эффективного использования переданных ресурсов. Классическим примером большей эффективности альтернативных финансов по сравнению с традиционными является более высокая эффективность товарообменных си-

стем обеспечения экономики ресурсом «труд» по сравнению с трансфертными. В обеспечении трудом, или просто в труде, трансфертным вариантом является труд, забота об эффективном использовании которого, или об управлении которым, для достижения целей работодателя лежит на работодателе, и поэтому такой труд оплачивается по цене прожиточного минимума. Товарообменным вариантом выступает труд, забота об эффективном использовании которого, или об управлении которым, для достижения целей работодателя лежит на работнике, и поэтому такой труд оплачивается значительно выше – по цене продукта труда. При этом количественный и качественный прирост выпуска при переходе к использованию товарообменного труда оказывается большим, чем прирост расходов на оплату труда. Как писал крупный российский ученый-политэконом А.И. Чупров, невозможность добиться от рабов роста интенсивности труда привела к тому, что римские землевладельцы сочли более выгодным сдавать земельные участки в пользование рабам, чем самим их обрабатывать с использованием рабского труда [16, с. 154]. Очевидно, что при этом арендная плата устанавливалась землевладельцами на уровне выше их прежней прибыли от продажи сельхозпродукции, так как иначе они на такую перемену не пошли бы. В свою очередь, и рабы не пошли бы на данную перемену, если бы она не обеспечивала им дополнительное по сравнению с прежним прожиточным минимумом вознаграждение за труд. И все эти условия могут реализоваться лишь в случае, если при соответствующей перемене продукт труда раба оказывается значительно выше прежнего, таким, чтобы его прирост позволил получать эти дополнительные доходы.

Второе обстоятельство, обуславливающее тенденцию вытеснения традиционных финансов альтернативными, открытое теорией альтернативных финансов, заключается в том, что абсолютно все трансфертные системы ресурсообеспечения имеют товарообменные заменители. Эти заменители действуют параллельно, даже, зачастую, не будучи идентифицированными как альтернативы традиционным финансам, а если на данный момент для каких-то трансфертных систем их нет, то они могут быть созданы и запущены. Это очень важно для понимания судьбы традиционных финансов положение.

Резонансной проблемой традиционных фи-

нансов является исходящая от них повышенная опасность. Неслучайно их история является историей горя и страданий людей, попавших в сферу их действия, например, история акционерных обществ является историей ограбления акционеров, история налогов – историей разорения налогоплательщиков, история банков – историей ограбления их вкладчиков. Ничего не изменилось и сейчас, если не стало только хуже. Современные экономисты после событий 2008 г. отмечают, что финансы являются не только системой ресурсообеспечения, но и главным источником социально-экономической нестабильности [5, с. 17]. В этих условиях, естественно, возникает вопрос, а нельзя ли полностью заменить трансфертные системы ресурсообеспечения товарообменными альтернативами, чтобы исключить исходящие от первых угрозы? При этом общепринятым является мнение, что трансфертные системы ресурсообеспечения могут заменяться товарообменными, но в целом без первых обойтись невозможно, например, невозможно обойтись без налоговой системы, банковского кредита, банковской платежной системы. Но, как было сказано выше, абсолютно все трансфертные системы ресурсообеспечения имеют товарообменные альтернативы.

В наших работах были продемонстрированы многочисленные примеры вытеснения традиционных финансов альтернативными финансами из различных отраслей ресурсообеспечения, зачастую идущего при активном участии государства, правда, непоследовательном, а также было показано, что такое вытеснение зачастую имеет нелинейный характер (что и побуждает характеризовать его как тенденцию), из-за сопротивления, которое оказывают развитию альтернативных финансов традиционные финансы, также руками государства, из-за чего участие последнего в развитии товарообменных систем ресурсообеспечения и является непоследовательным.

Ярким примером стремительного вытеснения традиционных финансов альтернативными стало вытеснение трансфертного труда (признак – трудовой договор) товарообменным трудом (признак – договор гражданско-правового характера) в последние годы, выразившееся, в частности, в массовом переходе штатных сотрудников организаций на фриланс, причем этот переход был не обусловлен, а лишь ускорен цифровизацией и пандемией коронавируса [1, с.

31–32]. При этом соответствующий процесс уже многие десятилетия происходит и в скрытом виде – в виде товарообменной трансформации традиционного трудового договора, когда права и обязанности, соответствующие товарообменному труду, как и эквивалентное росту сложности труда увеличение его оплаты, все в большей степени предусматриваются обычным трудовым договором [2, с. 28–30].

Ярким примером вытеснения традиционных финансов альтернативными последних лет стало увеличение пенсионного возраста в нашей стране, в результате чего пенсии как средство обеспечения в старости стали вытесняться (заменяться) заработной платой. Так, лица мужского пола, которые должны были выйти на пенсию в 2019 г. (родившиеся в 1959 г.), вышли на пенсию на 6 мес. позже, в 2020 г. (родившиеся в 1960 г.) – на 1 год и 6 мес. позже [9]. У первых трансфертное обеспечение в старости оказалось вытеснено товарообменным (т.е. в обмен на труд) в течение 6 мес., у вторых – в течение 1,5 лет. А лица, которые должны будут выйти на пенсию в 2023 г. (родившиеся в 1963 г.), выйдут на нее на 5 лет позже [9], т.е. у них трансфертное обеспечение в старости в 2023–2028 гг., или в течение 5 лет жизни, заменяется товарообменным обеспечением.

Интересно, что и сами финансовые организации почувствовали, в какую сторону «дует ветер», о чем говорит бурное развитие лизинга оборудования (взамен банковского кредита на покупку оборудования) самими банковскими структурами. Так, из 4-х крупнейших по объему нового бизнеса лизинговых компаний за 1-е полугодие 2021 г. 3 компании являются банковскими структурами, а именно Газпромбанк Лизинг (1-е место), Сбербанк Лизинг (2-е место), ВТБ Лизинг (4-е место) [12]. Лучше всех, по нашему мнению, это понял Сбербанк, убрав из своего нового логотипа, официально представленного 24 сентября 2020 г., слово «банк», став просто Сбером [10].

Таким образом, в мире наблюдается глобальная тенденция вытеснения трансфертных систем ресурсообеспечения их товарообменными альтернативами. Такая же тенденция наблюдается и в обеспечении экономики платежной системой, а именно тенденция вытеснения трансфертных платежных систем, т.е. систем с неполноценными средствами платежа (основанными на банковских деньгах), товарообмен-

ными альтернативами, т.е. системами с полноценными средствами платежа. Нами было показано, что в мире идет возврат к золотому обращению, правда, в виде не золотомонетного стандарта, а расчетов золотом по его рыночной цене, как в международной, так и, что наиболее примечательно, во внутренней торговле. Золото продвигается для расчетов как в наличном (так, швейцарской компанией Valcambi для розничных расчетов были выпущены золотые пластины Combibar весом 50 г, от которых легко отделяются слитки весом 1 г), так и в безналичном виде (с 2011 г. в ряде штатов США золотые и серебряные инвестиционные монеты были признаны законным платежным средством, для удобства использования этих монет в расчетах были открыты депозитарии для их хранения, а гражданам предоставлена возможность рассчитываться хранящимися в депозитариях монетами с помощью дебетовых карт), для чего отменяются налоги на его продажу [4, с. 112–115]. Такие налоги отменяются и у нас. Уже давно был отменен НДС на золото в случае, если при смене владельца оно не уходит из хранилища, затем отменен НДС с продажи инвестиционных и памятных монет, а с 1 марта 2022 г. отменяется НДС на золотые слитки, приобретаемые гражданами для инвестиционных целей [6].

Наиболее интересным направлением в тенденции вытеснения трансфертных платежных систем товарообменными является вытеснение банковских денежных платежных систем безденежными, или, говоря по-другому, развитие прямого товарообмена (бартера), когда обмен осуществляется вообще без участия денег, т.е. платежными средствами выступают сами изготовленные в хозяйствах ходовые товары, также представляющие собой полноценные платежные средства. Нами было показано, что мнение о том, что денежный обмен является более эффективной формой обмена, традиционно навязываемое учебниками по экономической теории, является абсолютно ошибочным [4, с. 99–101], что в последние годы усиленно развивается внутристрановой бартер, например в США в 2010 г. 450 тыс. компаний участвовали в бартере, а его объем составил 10% внутреннего товарооборота и продолжает стремительно увеличиваться, тогда как бартер в международной торговле обслуживает от 25 до 40% товарооборота (разброс данных – из-за сложности наблюдения) [4, с. 107–109]. При этом развитие бартера осуществляет-

ся в рамках локальных сетей товарообмена. Так, с начала 1990-х гг. в США, Германии, Великобритании, Франции, Швейцарии, Японии, Австралии, Новой Зеландии и т.д., а с середины 1990-х гг. – в странах 3-го мира (Бразилии, Мексике, Аргентине, Индонезии и т.д.), получают широкое распространение безденежные платежные системы типа «LETS» (Local Employment and Trading Systems – системы местной занятости и торговли), впервые появившиеся в 1983 г. в Канаде. С начала 1980-х гг. широкое распространение получают «банки времени» – платежные системы, в которых товарные права измеряются во времени труда, обслуживающие производителей бытовых услуг в локальных сообществах [3, с. 8–9].

При этом проблемой прямого товарообмена является как раз его развитие в виде локальных платежных систем. Ситуацию можно сравнить с денежным обменом в современных европейских государствах в эпоху феодальной раздробленности, когда на каждой территории функционировали свои деньги. Так как прямой товарообмен является более эффективным, чем денежный, то совершенно ясно, что в странах мира давно назрела необходимость в создании и использовании общенациональных систем прямого товарообмена, замены ими общенациональных банковских (денежных) систем обмена. В наших работах была представлена общенациональная безденежная платежная система, как наличная, так и безналичная, представляющая собой общенациональную систему прямого товарообмена.

Были показаны принципиальные различия в трактовке платежных средств, кредита и средств учета прав участников обмена на получение товаров от общества в денежной и безденежной платежных системах. В денежной платежной системе платежным средством являются деньги, они же являются средством учета товарных прав, кредитом выступают деньги, выдаваемые заемщику банком, возвратом кредита – передача заемщиком банку денег на сумму кредита. В безденежной платежной системе платежным средством выступают общественно необходимые товары, изготовленные в хозяйствах. Передача товара потребителю одновременно означает оплату товаров, которые данное хозяйство потом возьмет у общества. Кредитом выступают товары, которые хозяйство берет у общества наперед, например, для реализации

инвестиционного проекта, а возвратом кредита – передача этим хозяйством обществу товаров, полученных от данного проекта, на сумму кредита. Средством учета товарных прав выступают собственно права на получение товаров от общества. Кстати, происходит и трансформация дохода от кредитования. Проценты ликвидируются, их замещает доля от прибыли реализованных инвестиционных проектов.

Было показано, как исполняются функции платежного оператора (обеспечение участников обмена платежными средствами и обеспечение эквивалентности обмена между отдельными участниками обмена и обществом в целом) и кредитного оператора (выдача разрешений на поучение заемщиками товаров от общества в кредит и обеспечение возврата кредитов обществу товарами) в денежной и безденежной платежной системе, как наличной, так и безналичной.

Был реконструирован процесс трансформации современной общенациональной денежной платежной системы, которой является двухуровневая банковская система, в общенациональную безденежную платежную систему. Двухуровневая банковская система трансформируется в безденежную платежную систему, в частности, банковские деньги автоматически превращаются в знаки товарных прав, в результате превращения двухуровневой банковской системы в одноуровневую банковскую систему, и происходит это тогда, когда у центрального банка изымается функция кредитно-депозитного учреждения для коммерческих банков, или «кредитора последней инстанции». Причем для участников обмена такая трансформация платежной системы проходит абсолютно безболезненно и замечается ими лишь в случае реорганизации обслуживающих учреждений. Участники обмена (клиенты банков) могут даже не осознавать, что соответствующие улучшения в работе платежной системы (см. ниже) связаны с ее превращением в безденежную, равно как и то, что то, что они привыкли считать деньгами, теперь деньгами не является.

Показано, что функции платежного и кредитного оператора общенациональной безденежной платежной системы могут выполнять теперь уже бывшие коммерческие банки. При этом функцию кредитного оператора они должны осуществлять как органы централизованной кредитной системы, возглавляемой центро-

банком, поскольку в условиях снятия для них ограничений по кредитованию коммерческие банки будут соответствующей свободой злоупотреблять, и лишь централизация кредита позволит создать кредитного оператора, обладающего адекватными исследовательскими возможностями для анализа инвестиционных проектов, которыми отдельные коммерческие банки не обладают.

Была показана и большая эффективность общенациональной безденежной платежной системы по сравнению с денежной. Она более эффективна с точки зрения ее пользователей, т.е. участников обмена. Ее платежные средства им более доступны, так как создаются самими товаропроизводителями. Ее кредит им более доступен, так как выдается всем заемщикам, представившим адекватные проекты. Платежи за услуги безденежной платежной системы крайне незначительны, поскольку ее функционирование не требует тех колоссальных ресурсов, которые нужны для функционирования традиционной банковской системы, а также соответствующих расходов на их привлечение, которые необходимо «отбивать» в банковских процентах и комиссиях. Она более безопасна, так как у нее нет проблем банков, из-за которых она может остановить расчеты, лишит клиентов платежных средств, а проекты, под которые выдается кредит, проходят тщательную экспертизу со стороны высококомпетентного и беспристрастного органа. Безденежная платежная система более эффективна и с точки зрения лиц, предоставляющих ее в пользование, а именно ее внешних операторов. Она более доступна, хотя бы потому, что не требует вложения в бизнес существенного капитала, который теперь необходим лишь для покупки оборудования и первоначальных затрат на оплату труда работников, аренду помещений и т.д. Она более экономична, хотя бы потому, что у оператора отсутствуют издержки взаимодействия с прежним банковским надзором. Она менее опасна, так как оператор действует вне поля прежних банковских рисков, в частности невозврат кредитов напрямую не отражается на его деятельности. Безденежная платежная система более приемлема и для общества в целом, так как оно лишается необходимости содержать национальный денежный капитал, который сейчас является «мертвым грузом» общества, и может жить без проблем, порождаемых функционированием банковской кредитной системы, напри-

мер надувания кредитных «пузырей». Кредит теперь находится под полным и непосредственным контролем единого общенационального кредитного органа, имеющего возможность напрямую воздействовать на величину товарных прав и, соответственно, темпы инфляции. Т.е. общество получает доступную, экономичную и безопасную платежную систему, в отличие от той, которую оно имеет сейчас [8, с. 20–23].

Далее, покажем, что цифровой рубль представляет собой «валюту», функционирующую в одноуровневой «банковской системе», что и будет доказательством того, что он является знаком прав на получение товаров от общества, а не деньгами, как это сейчас принято считать (см. выше). То, что цифровой рубль является валютой одноуровневой банковской системы, ясно уже из сообщения Доклада, что цифровой рубль будет существовать в форме индивидуальных электронных кошельков, которые открываются непосредственно в платежной системе ЦБ [14, с. 6]. Следует отметить, что одна безденежная платежная система уже давно функционирует в нашей стране «в платежной системе ЦБ», каковой выступает платежная система, обслуживающая российское казначейство, счета которого непосредственно ведет сам Банк России.

Сообщив об этом, авторы Доклада постарались соответствующую сущность платформы цифрового рубля затуманить. В докладе «Цифровой рубль» (2020) представлено 4 модели цифровой валюты. В полной мере сущность платформы цифрового рубля как безденежной платежной системы отражает модель цифровой валюты В, в соответствии с которой центробанк открывает электронные кошельки и зачисляет на них цифровые рубли непосредственно по запросам клиентов, в таком же порядке осуществляет переводы с кошелька на кошелек и сам информирует получателей о зачислении на кошелек цифровой валюты [14, с. 28]. Интересно сделанное здесь добавление, что взамен этого центробанк может просто открывать расчетные счета клиентам и осуществлять их расчетно-кассовое обслуживание [14, с. 28]. Вероятно, эффект был бы схожим, так как клиенты стали бы обслуживаться, хотя и в менее цифровизованной, но все же в такой же одноуровневой и потому безденежной платежной системе.

Модель С представляет собой ту же модель В, но в которой все соответствующие действия осуществляются центробанком при посредни-

честве банков, например центробанк переводит средства с кошелька на кошелек, но информирует об их зачислении не клиента-получателя, а его банк, который затем информирует об этом клиента, и на банки перекладывается осуществление в отношении клиентов процедур ПОД/ФТ/ФРОМУ (противодействие отмыванию доходов, полученных преступным путем, финансирование терроризма и финансирование распространения оружия массового уничтожения) [14, с. 29]. Здесь сущность платформы цифрового рубля отчасти затуманивается аутсорсингом ряда действий центробанка, который выдается за посредничество коммерческих банков в расчетах.

Модель D представляет собой модель С, но в которой уже сами банки осуществляют открытие кошельков клиентам, зачисление на них средств, переводы цифровой валюты с кошелька на кошелек, причем предварительно центробанк открывает кошельки самим банкам, цифровые рубли с которых затем списываются банками на счета клиентов, пожелавших открыть кошельки в цифровой валюте [с. 30–31]. Модель D в наибольшей степени (из трех, предлагаемых к обсуждению) затуманивает сущность платформы цифрового рубля как одноуровневой безденежной платежной системы, «живущей» на балансе Банка России, поскольку в этой модели открытие и ведение счетов клиентов полностью передано центробанком на аутсорсинг коммерческим банкам, а также имитируется осуществление расчетов между клиентами разных коммерческих банков через корсчета последних, открытые в центробанке, в виде зачислений центробанком цифровых денег на кошельки коммерческих банков. Понятно, что это имитация, так как при «нормальном» межбанковском переводе зачисление центробанком средств на корсчет банка сопровождается увеличением счета клиента на ту же сумму. В данном же случае этого нет, а увеличение кошелька клиента происходит за счет соответствующего уменьшения кошелька банка.

Не сложно обнаружить, что модель цифровой валюты центрального банка, тестирование которой было открыто в середине февраля 2022 г., представляет собой как раз модель D. Об этом можно судить по «Схеме двухуровневой розничной модели цифрового рубля», представленной в материале Banki.ru, посвященном началу тестирования платформы цифрового рубля

[13]. По ее же названию в этом материале можно судить о том, что затуманивание сущности цифровой платежной системы вполне удалось, так как ее назвали двухуровневой. При рассмотрении этой модели складывается впечатление, что центробанк в обеспечении обращения цифрового рубля выступает по отношению к коммерческим банкам «кредитором последней инстанции», так как обеспечивает их «цифровой» ликвидностью с тем, чтобы они могли исполнить поручения клиентов. Эта «недостающая» цифровая ликвидность, как и недостающая рублевая ликвидность, фигурирует в активах баланса коммерческого банка. Следует отметить, что продажа цифровой валюты банку с точки зрения экономики является лишней операцией, так как необходимые клиентам цифровые рубли могут быть сразу проданы центробанком этим клиентам.

Также следует отметить, что до какой бы степени аутсорсинг функций центробанка как оператора цифровой безденежной платежной системы не доходил, фактом остается то, что цифровые кошельки с зачисленной на них цифровой валютой являются пассивами не коммерческих банков, а центробанка. В Докладе демонстрируется влияние на пассивы баланса центрального банка покупки гражданином цифровой валюты на сумму 100 руб. за наличные через свой банк или за счет средств на счете гражданина в этом банке, когда цифровая валюта возникает в пассивах центрального банка за счет сокращения на 100 руб. в 1-м случае – наличных денег, а во 2-м – корсчета данного банка, также отражаемых в пассивах центрального банка [14, с. 23], т.е. соответствующее количество купленной гражданином цифровой валюты отразилось на его счете (электронном кошельке) именно в центробанке. Ничего не меняется, когда гражданин покупает цифровую валюту у коммерческого банка. Предположим, что эти 100 руб. цифровой валюты купил не гражданин, а банк, а гражданин, являющийся клиентом этого банка, решил купить у него цифровой валюты на 100 руб. При покупке цифровой валюты гражданином она не перейдет в пассивы коммерческого банка в виде кошелька гражданина, а останется здесь же – в пассивах центробанка. При этом пассивы коммерческого банка не только не увеличатся на 100 руб. за счет цифрового кошелька гражданина, но и, наоборот, сократятся на 100 руб. за счет списания этой суммы с де-

позита гражданина в оплату цифровой валюты, и на такую же величину сократятся активы банка в части его цифрового кошелька, остаток которого снизится со 100 руб. до нуля.

Полным затуманиванием сущности платформы цифрового рубля является модель цифровой валюты А, от которой центробанк заранее отказался. В соответствии с ней центробанк открывает кошельки с цифровыми рубликами коммерческим банкам для осуществления межбанковских расчетов [14, с. 27]. Фактически модель А представляет собой модель D, но в которой банк 1 переводит цифровую валюту с кошелька своего клиента не непосредственно на кошелек клиента банка 2, а на кошелек банка 2, а затем уже банк 2 переводит соответствующие средства на кошелек своего клиента. Это уже полная имитация межбанковских расчетов между клиентами разных коммерческих банков. И понятно, почему модель А была заранее отвергнута. Преимущество в скорости расчетов, приписываемое цифровому рублю, достигается за счет того, что, благодаря возможностям цифровизации, все владельцы цифровой валюты обслуживаются как бы в одной расчетной конторе, в связи с чем перевод средств осуществляется непосредственно со счета плательщика на счет получателя. Имитируя функционирование двухуровневой банковской системы, авторы проекта должны были выбирать между убедительностью имитации (максимальна в модели А) и замедлением из-за нее расчетов (минимальна в модели В). Поэтому и была выбрана модель D. Мы объясняем данную имитацию, за которую заплачено снижением скорости расчетов, нежеланием авторов проекта «Цифровой рубль» вносить обширные изменения в банковское законодательство, касающиеся функций центрального банка, который с введением цифрового рубля фактически начинает массовое обслуживание населения и бизнеса.

Цифровой рубль не является деньгами и согласно международной статистике денег. Очевидно, это обнаружили сами авторы доклада «Цифровой рубль» (2020), так как, отмечая, что в Руководстве по денежной статистике МВФ (МВФ 2000, IMF 2008) деньгами считаются наличные в обращении и счета в коммерческих банках, назвали такую трактовку денег формальной, нужной только для статистики [14, с. 8]. Цифровые же кошельки, как и счета казначейства, являются счетами не коммерческих бан-

ков, а Банка России, и, следовательно, согласно общепризнанной статистике денег, деньгами не являются.

Таким образом, сущностью цифрового рубля является то, что он представляет собой не деньги, не их третью форму, дополнительную к традиционным банковским наличным и безналичным деньгам, а знаки прав на получение товаров от общества (в безналичной форме). Его более глубокой сущностью является отражение глобальной тенденции вытеснения трансфертных систем ресурсообеспечения их товарообменными альтернативами, захватывающей и сферу обеспечения экономики платежной системой. Введение цифровых валют означает очередной шаг в вытеснении товарообменными платежными системами трансфертных платежных систем, по причине того, что первые являются более доступными, экономичными и безопасными (что отражено в преимуществах цифрового рубля, приведенных в начале статьи), в данном случае означающий уже товарообменную трансфор-

мацию, или разложение, традиционной трансфертной двухуровневой банковской системы, поскольку платформа цифрового рубля появляется внутри нее.

Не сложно обнаружить, что трактовка цифрового рубля как денег основывается не на глубоком теоретическом анализе данного явления, а как раз на внешнем впечатлении о нем, а именно – на его внешнем сходстве с деньгами. Как отмечается в Докладе, цифровой рубль сходен с банкнотами, так как, подобно банкноте, имеет серию и номер (цифровой код) и эмитируется центробанком, может быть использован в офлайн-режиме, т.е. без доступа к мобильной связи и Интернету [14, с. 5], как и безналичные деньги, цифровой рубль не имеет физической формы и может быть использован для дистанционных расчетов [14, с. 6], упрощенно цифровой рубль, так как он сохраняет свою уникальность, подобен традиционным монетам и банкнотам, но выпускаемым и передаваемым в электронном виде [14, с. 16].

Библиографический список

1. Будович Ю.И. Современные тенденции на рынке труда с точки зрения теории альтернативных финансов // Экономические науки. 2021. № 10 (203). С. 31–38. DOI: 10.14451/1.203.31.
2. Будович Ю.И. Товарообменная трансформация трудовых отношений в рамках традиционного трудового договора // Экономические науки. 2021. № 10 (203). С. 24–30. DOI: 10.14451/1.203.24.
3. Будович Ю.И., Будович М.С. Обменные банки Р.Оуэна и Народный банк П.-Ж. Прудона с точки зрения теории нефинансовой экономики // Экономические науки. 2021. № 3 (196). С. 7–16. DOI: 10.14451/1.196.7.
4. Будович Ю.И., Лебедев К.Н. Место финансов в современной экономике (Экономика без финансов) / под ред. К.Н. Лебедева. – Краснодар: Издательство НИИ экономики ЮФО, 2020. 186 с.
5. Данилов Ю.А., Абрамов А.Е., Буклемишев О.В. Реформа финансовых рынков и небанковского финансового сектора. М.: Центр стратегических разработок, 2017. 102 с.
6. Золоту скинут 20% / Коммерсантъ. 02.03.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5239494> (дата обращения: 03.03.2022).
7. Корищенко К.Н. Вопросы эмиссии и обращения цифрового рубля // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15. № 2. С. 280–293.
8. Лебедев К.Н. Общественно-экономические идеалы социалистов и коммунистов в части платежно-кредитной системы и их достижимость // Экономические науки. 2021. № 3 (196). С. 17–27. DOI: 10.14451/1.196.17.
9. Первый этап: как изменился пенсионный возраст с 2019 года / РБК. Экономика. 01.01.2019. URL: <https://www.rbc.ru/economics/01/01/2019/5c17bda89a794752bfff8f77> (дата обращения: 28.02.2022).
10. Сбербанк откажется от слова «банк» в логотипе / Коммерсантъ. 21.09.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4501014> (дата обращения: 28.02.2022).
11. Сущность и явление Filslov.ru – Философия как предмет науки. URL: <https://filslov.ru/441-sushhnost-i-yavlenie.html> (дата обращения: 28.02.2022).
12. Топ-20 российских лизинговых компаний за первое полугодие 2021 года / Коммерсантъ. 27.10.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5050084> (дата обращения: 28.02.2021).
13. ЦБ приступил к тестированию цифрового рубля / banki.ru. 15.02.2022. URL: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10961123> (дата обращения: 17.02.2022).

-
14. Цифровой рубль: Доклад для общественных консультаций. Октябрь 2020 года. – М.: Центральный банк Российской Федерации, 2020. 47 с.
 15. Чернышева Е. Цифровой рубль: зачем он запускается и как будет работать / РБК. Тренды. 07.07.2021. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/60e4014c9a7947816217cac1> (дата обращения: 16.02.2022).
 16. Чуров А.И. Курс политической экономии. – М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1918. 356 с.